

Бен Макинтайр
ШПИОН СРЕДИ
друзей

Ben Macintyre

**A SPY AMONG
FRIENDS**

Kim Philby and the Great Betrayal

Бен Макинтайр

ШПИОН СРЕДИ ДРУЗЕЙ

Великое предательство Кима Филби

Послесловие
Джона ле Карре

Перевод с английского
Сергея Таска, Анны Шульгат

издательство АСТ
Москва

УДК 355.40(092) Филби К.
ББК 67.401.212 Филби К.
М15

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Макинтайр, Бен.

М15 Шпион среди друзей. Великое предательство Кима Филби / БЕН МАКИНТАЙР; пер. с англ. С. Таск, А. Шульгат. — Москва: Издательство ACT: CORPUS, 2017. — 432 с. (Разведкорпус).

ISBN 978-5-17-090602-4

Ким Филби — один из самых знаменитых шпионов XX века, и написано о нем немало. Однако расследование британского писателя-историка Бена Макинтайра, основанное в числе прочего на неопубликованных архивных материалах, знакомит нас с этой уникальной личностью как никогда близко. Урон, нанесенный тайной деятельностью Филби двум государствам, Великобритании и США, мог бы быть куда меньше, если бы не крепкая мужская дружба, замешанная на традиционных английских идеалах личной преданности и чести джентльмена. Николас Эллиott из МИ-6 и Джеймс Энглтон из ЦРУ слепо верили своему другу Киму и стояли за него стеной до тех пор, пока не стало поздно. Макинтайр показывает, как государственная измена, десятилетиями проходившая сквозь фильтр частного человеческого предательства, превращала жизнь Кима Филби в небывалой силы психологический триллер.

УДК 355.40(092) Филби К.
ББК 67.401.212 Филби К.

ISBN 978-5-17-090602-4

© Ben Macintyre 2014
© David Cornwell, послесловие, 2014
© С. Таск, перевод на русский язык гл. 13–20, 2017
© А. Шульгат, перевод на русский язык гл. 1–12, 2017
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
© ООО “Издательство ACT”, 2017
Издательство CORPUS ®

Оглавление

<i>Предисловие</i>	11
Вступление	13
Глава 1. Начинающий шпион	15
Глава 2. Пятый отдел	34
Глава 3. Отто и Сонни	55
Глава 4. Детка, детка, я шпион!	75
Глава 5. Три молодых шпиона	95
Глава 6. Немецкий перебежчик	109
Глава 7. Советский перебежчик	122
Глава 8. Восходящие звезды	141
Глава 9. “Штормовое море”	163
Глава 10. “Одиссея” Гомера	184
Глава 11. Персик	203
Глава 12. “Бароны-разбойники”	222
Глава 13. Третий	240
Глава 14. Наш человек в Бейруте	260
Глава 15. Лиса пришла и поселилась	274

Глава 16. Многообещающий офицер	287
Глава 17. Так и знал, что это ты	300
Глава 18. За чаем	313
Глава 19. Слинял	326
Глава 20. Три старых шпиона	342

Джон Ле Карре Послесловие

Благодарности	369
Примечания	371
Библиография	414
Указатель	420

Памяти Рика Бистона

Друзья (*The Friends*) — так на общем английском сленге называют сотрудников разведывательных служб, а на британском сленге — сотрудников Секретной разведывательной службы, или МИ-6.

Если бы пришлось выбирать, кого предать — родину или друзей, надеюсь, мне хватило бы решимости предать родину. Возможно, такой выбор возмутит современного читателя, и его патриотическая рука мгновенно потянется к телефонной трубке, чтобы вызвать полицию. А вот Данте это бы вряд ли шокировало. Он поместил Брута и Кассия в самый низший из кругов Ада, ведь они предпочли предать своего друга Юлия Цезаря, только бы не изменить родному Риму.

Э. М. ФОРСТЕР, 1938

Предисловие

Существует обширная литература о Киме Филби. Трудно переоценить работы о нем таких первопроходцев, как Патрик Сил, Филип Найтли, Том Бауэр, Энтони Кейв Браун и Генрих Боровик. И все же представления многих читателей о Филби остаются туманными, как, впрочем, и представления о “холодной войне”: о событиях тех лет упоминают часто, но мало кто понимает их по-настоящему. Кроме того, благодаря многим из рассекреченных в последнее время материалов, а также книгам об истории МИ-5 и МИ-6, одобренным самими ведомствами, мы можем в новом свете увидеть и тот конфликт, и место в нем Филби.

Эта книга вовсе не очередная биография Кима Филби, а скорее облаченная в форму повествования попытка описать особого рода дружбу, сыгравшую важную роль в истории. Мой рассказ не столько о политике, идеологии и ответственности, сколько о личности, характере и об очень британской разновидности дружбы, до сей поры не становившейся предметом изучения. Поскольку доступ к делам в МИ-6, ЦРУ и КГБ по-прежнему закрыт, большая часть источников вторичны: свидетельства третьих лиц, нередко изложенные ретроспективно. Шпионы умеют необыкновенно искусно допускать неточности в воспоминаниях, и все протагонисты этого повествования в той или иной степени повинны в искажении собственных историй.

Многие “факты” в деле Филби все еще остаются темой бурных обсуждений, и недостатка в гипотезах, конспирологических и любых других, не наблюдается. Обсуждение некоторых наиболее спорных вопросов вынесено в примечания. Многое из того, что написано о Филби, основано на воспоминаниях или предположениях и не подкреплено документально; кое-что окрашено пропагандой, а кое-что — чистый вымысел. До тех пор, пока официальные документы не рассекречены полностью, вокруг этих событий по-прежнему сохраняется некоторый флер таинственности. Это создает определенные трудности для историка-повествователя. Поскольку в моем распоряжении оказались противоречащие друг другу свидетельства, различные точки зрения и разнящиеся между собой воспоминания, мне пришлось определиться с тем, какие из источников наиболее достоверны, и вычленить из многочисленных свидетельств те, что представляются наиболее близкими к действительности. Безусловно, далеко не все согласятся с моим выбором. Что ж, мы имеем дело не с точными науками, но я стремился к тому, чтобы рассказанная мною история была максимально близка к правде.

В мои задачи не входило сказать последнее слово о Киме Филби. Я старался рассказать его историю иначе, чем мои предшественники, рассмотрев ее сквозь призму тесной дружбы, и, возможно, прийти к новому пониманию этого самого примечательного шпиона современности.

Вступление

Бейрут, январь 1963 года

Два шпиона среднего возраста сидят в квартире в христианском квартале, прихлебывая чай и благовоспитанно обмениваясь ложными сведениями. Приближается вечер. Они англичане — англичане настолько, что им ни на секунду не изменяет вежливость, одновременно объединяющая и отдаляющая их друг от друга. Сквозь открытое окно в комнату проникают звуки улицы: сирены автомобилей, стук лошадиных копыт вперемешку с позвякиванием фарфора и бормотанием. Микрофон, ловко спрятанный под диваном, записывает разговор и по проводу, пропущенному сквозь маленькую дырочку в обшивке стен, посыпает его в другую комнату, где сидит третий человек: согнувшись над работающим магнитофоном, он пытается разобрать слова, доносящиеся через бакелитовые наушники.

Те двое, что сидят в квартире, — старые друзья. Они знают друг друга уже почти тридцать лет. Но теперь они стали злейшими врагами, неприятелями, оказавшимися по разные стороны жестокого конфликта.

Ким Филби и Николас Эллиott бок о бок постигали основы шпионского ремесла во время Второй мировой войны. Когда война закончилась, они вместе поднимались по служебной лестнице британской разведки, делясь друг с другом каждым

секретом. Они состояли в одних и тех же клубах, пили в одних и тех же барах, носили одинаковые хорошо пригнанные костюмы и женились на женщинах “своего племени”. Но все это время Ким хранил один секрет, которым так и не поделился с Николасом: тайно работая на Москву, он передавал все, что сообщал ему Эллиотт, советским кураторам.

Эллиотт прибыл в Бейрут, чтобы добиться от Филби признания. Эллиотт установил прослушку в квартире и организовывал наблюдение за входом в дом и на улице. Он хочет узнать, сколько людей погибло из-за того, что Ким предал свою дружбу с ними. Он хочет выяснить, когда оказался в дураках. Ему необходимо знать правду или, по меньшей мере, часть правды. И когда Эллиотт узнает правду, Филби сможет бежать в Москву, или вернуться в Великобританию, или начать все заново в качестве тройного агента, или допиться до смерти в барах Бейрута. Для Филби, как убеждает себя Эллиотт, нет никакой разницы между этими сценариями.

Филби знает правила игры, поскольку блестяще играл по ним в течение трех десятилетий. Но ему неизвестно, сколько знает Эллиотт. Возможно, дружба станет для него палочкой-выручалочкой, как уже случалось раньше. Ким и Николас говорят друг другу кое-какую правду вперемешку с ложью, причем лгут самозабвенно, убежденные в своей правоте. Слой за слоем, взад и вперед.

Наступление ночи не помеха странному смертельному поединку между двумя мужчинами, объединенными классом, клубом и образованием, но разделенными идеологией; мужчинами с почти одинаковыми вкусами и воспитанием, но служащими разным целям; ближайшими из врагов. Тому, кто подслушивает, их разговор покажется невероятно утонченным, чем-то вроде старинного английского ритуала, исполняемого на чужбине, но на самом деле это безжалостный бой, боксерский матч без перчаток, смертельная агония кровной дружбы.

Глава 1

Начинающий шпион

Вот только что Николас Эллиотт находился на ипподроме в Аскоте, наблюдая, как фаворит Сокрушитель под седьмым номером с легкостью идет к финишу первым, а сразу за ним следует лошадь под вторым номером, но уже в следующее мгновение он, к собственному удивлению, стал шпионом. Произошло это пятнадцатого июня 1939 года, спустя три месяца после начала самого чудовищного конфликта в истории человечества. Эллиотту было двадцать два.

Случилось это за бокалом шампанского. Отец Джона Николаса Рида Эллиотта, сэр Клод Аурелиус Эллиотт, офицер Ордена Британской империи, был директором Итонского колледжа, самой престижной из частных школ Англии, видным альпинистом и одним из главных столпов британской элиты. Сэр Клод знал всех, кого стоило знать, и не удостаивал внимания тех, кто этого не заслуживал, и среди тех важных людей, с кем он водил знакомство, был сэр Роберт Ванситтарт, главный дипломатический советник британского правительства, имевший тесные связи с Секретной разведывательной службой (СРС), более известной как МИ-6, ответственной за сбор сведений за рубежом. Николас Эллиотт договорился о встрече с Ваном в Аскоте и за бокалом шампанского упомянул, что его могла бы заинтересовать возможность поступить на службу в разведку.

Сэр Роберт Ванситтарт с улыбкой ответил: “Для меня большее облегчение, что вы обратились ко мне с такой несложной просьбой”.

“Сказано — сделано”, — много лет спустя писал Эллиott.

Вербовочная сеть “старых друзей” работала безупречно.

Нельзя сказать, что Николас Эллиott был создан для шпионского поприща. Он не мог похвастаться особыми академическими достижениями. Он не слишком-то разбирался в сложностях международной политики, не говоря уже об искусной и опасной игре, которую разыгрывала МИ-6, готовясь к войне. По большому счету он вообще ничего не знал о шпионаже, но считал, что дело это важное, исключительное и увлекательное. Эллиott был так уверен в себе, как может быть уверен в себе только хорошо воспитанный, состоятельный итонец, недавно окончивший Кембриджский университет и заручившийся всеми необходимыми связями в обществе. Он был рожден, чтобы управлять (хотя никогда бы не высказал такое убеждение столь неизящным способом), и членство в одном из наиболее элитарных клубов Великобритании представлялось молодому человеку подходящей стартовой площадкой.

Эллиотты были опорой империи; на протяжении многих поколений эта семья поставляла военных чинов, представителей высшего духовенства, адвокатов и руководителей колоний, которые неустанно пеклись о том, чтобы Британия продолжала править не только морями, но и порядочными кусками земного шара, расположенными между ними. Один из дедушек Эллиотта был вице-губернатором Бенгалии; другой занимал должность старшего судьи. Подобно многим могущественным английским семьям Эллиотты славились своей эксцентричностью. Эдгар, двоюродный дед Николаса, как известно, побился об заклад с другим офицером, служившим в Индии, что в течение трех месяцев будет ежедневно выкуривать такое количество манильских сигар, чтобы их совокупная длина равнялась его росту. Ему хватило двух месяцев, чтобы докуриться до смерти. Двоюродную бабушку Бланш в возрасте двадцати шести

лет, по слухам, “постигла любовная неудача”, в результате чего она слегла и пятьдесят лет не покидала постели. Тетушка Нэнси была твердо убеждена: католикам не следует заводить домашних животных, поскольку они не верят, что у тех есть души. Семья также демонстрировала страстное, но зачастую гибельное влечение к альпинизму. Дядя Николаса, преподобный Джулиус Эллиott, упал с Маттерхорна в 1869-м, вскоре после знакомства с Гюставом Флобером, назвавшим его “образцом английского джентльмена”. Эксцентричность — одна из тех английских черт, что выглядят слабостями, но на самом деле таят под собой силу; это признак яркой индивидуальности, замаскированный под странность.

Однако самой важной фигурой для Николаса, буквально нависавшей над ним в детстве, стал его отец Клод, человек не-поколебимых викторианских принципов и свирепых предрас-судков. Клод ненавидел музыку — она вызывала у него несвра-жение желудка, презирал любые способы обогрева помещения как признак “декадентства” и был твердо убежден: “когда име-ешь дело с иностранцами, лучшая стратегия — кричать на них по-английски”. Прежде чем возглавить Итон, Клод препода-вал историю в Кембриджском университете, хотя испытывал врожденное недоверие к ученым и питал врожденное отвра-щение к интеллектуальной беседе. Однако долгие универси-тетские каникулы давали ему массу времени для занятий аль-пинизмом. У Клода были шансы стать самым прославленным альпинистом своего поколения, если бы не перелом надко-ленника, случившийся с ним в Озernом краю и помешавший примкнуть к экспедиции Мэллори на Эверест. Клод настолько доминировал над ровесниками физически и психологически, что однокашники по Итону прозвали его Императором. Ни-колас взирал на отца с благоговейным ужасом; в ответ Клод то игнорировал свое единственное дитя, то подтрунивал над ним, убежденный, подобно многим отцам того времени и той социальной группы, что, если он покажет сыну свою привя-занность, мальчик будет “слабым” и, вполне возможно, станет

гомосексуалом. Николас вырос с твердым убеждением: “Клода невероятно смущал сам факт моего существования”. В свою очередь, мать мальчика избегала разговоров на интимные темы, к которым, по словам ее сына, принадлежали “бог, болезни и все, что ниже пояса”.

Таким образом, воспитание Эллиотта заключалось в том, что сначала он прошел через вереницу нянек, а потом его вытолкнули из дома и запихнули в Дернфордскую школу в Дорсете, прославившуюся исключительной — даже по меркам британской средней школы — жестокостью: каждое утро мальчиков заставляли голышом нырять в бассейн без подогрева, чтобы доставить удовольствие директору, жена которого любила вслух читать поучительную литературу по вечерам, вытянув ноги и положив их на двух мальчиков, пока третий щекотал ей пятки. В школе не было ни свежих фруктов, ни туалетов с дверями, здесь никто не мешал одним ученикам издеваться над другими, и бежать отсюда тоже не было возможности. В наши дни такое учебное заведение признали бы нелегальным; в 1925 году считалось, что оно “формирует характер”. В этой школе Эллиott приобрел железную уверенность, что “ничего более неприятного с ним уже не произойдет”, глубокое презрение к власти и дерзкое остроумие.

После “кромешного ада” Дернфордской школы Итон показался Николасу раем, и даже тот факт, что его отец был директором колледжа, не представлял особой проблемы, ведь Клод по-прежнему делал вид, что его рядом нет. Очень умный, неунывающий, хотя и ленивый, Эллиотт выполнял только необходимый минимум заданий. “Необычайная четкость его почерка полезна только в одном: она позволяет лучше разглядеть, как хромает его орфография”, — писали в одном из отчетов об успеваемости. Николаса приняли в его первый клуб, “Поп” — в это сообщество принимали только самых популярных учеников Итона. Именно в колледже Эллиотт открыл в себе талант заводить друзей. Впоследствии он будет вспоминать об этом как о самом ценном навыке, ставшем основой его карьеры.

Первым и ближайшим другом Эллиотта стал Бэзил Фишер. Блестящий молодой человек, Фишер был капитаном лучшей в Итоне команды по крикету, председателем “Попа” и сыном самого настоящего героя войны: в 1917 году Бэзила-старшего подстрелил турецкий снайпер в Газе. Эллиотт и Бэзил делили каждую трапезу, вместе проводили каникулы и время от времени заглядывали в дом директора — когда Клод был на ужине, — чтобы поиграть в бильярд. На фотографиях того времени можно увидеть, как они, радостно улыбаясь, держатся за руки. Может, в их отношениях и присутствовала сексуальная составляющая, а может, и нет. До сих пор Эллиотт любил только свою няню, Голубушку (ее настоящее имя неизвестно). Он богоотвирал Бэзила Фишера.

Осенью 1935 года друзья поступили в Кембридж. Эллиотт, само собой, был зачислен в Тринити-колледж, как в свое время его отец. В первый же день учебы в университете Николас посетил писателя и преподавателя истории Роберта Гиттингса, приятеля отца, чтобы задать вопрос, который давно его занимал: “Насколько прилежно мне нужно заниматься и над чем работать?” Гиттингс был человеком проницательным. Эллиотт впоследствии вспоминал: “Он настоятельно советовал мне потратить три моих кембриджских года на то, чтобы насладиться жизнью во время затишья перед следующей войной”. И Николас последовал этому совету самым буквальным образом. Он играл в крикет, катался на лодке, разъезжал по Кембриджу на “хилл-ман минксе”, а также посещал и сам устраивал отличные вече-ринки. Он прочитал кучу шпионских романов, а по выходным ездил на охоту или на скачки в Ньюмаркет. Все тридцатые годы в Кембридже бушевал идеологический конфликт: Гитлер пришел к власти в 1933 году; гражданская война в Испании вспыхнула летом 1936-го; крайне левые вели противоборство с крайне правыми в университетских аудиториях и на улицах. Но все это политическое бурление попросту прошло мимо Эллиотта. Ему было не до того — он наслаждался жизнью. Он редко открывал учебник, а по завершении трех университетских лет обзавелся

кучей друзей и получил диплом третьей степени, считая этот результат “триумфом над экзаменаторами”.

По окончании Кембриджа Николас Эллиотт обладал всеми мыслимыми преимуществами своего класса и образования, но понятия не имел, чем хочет заниматься. Однако за благодушным светским фасадом и “вялой, свойственной высшему обществу манерой” скрывалась сложная личность, питавшая страсть к приключениям с оттенком подрывной деятельности. Викторианская скованность Клода Эллиотта вселила в его сына глубокое отвращение к правилам. “Из меня бы никогда не вышло хорошего солдата, поскольку я мало способен к дисциплине”, — отмечал Николас. Когда ему что-то приказывали, он был склонен “подчиняться не приказу, полученному от старшего, а скорее приказу, который старший мог бы ему отдать, если бы разбирался в ситуации”. Николас был жестким — жестокость Дернфорда, безусловно, наложила на него отпечаток, — но в то же время чувствительным: сказывались травмы, нанесенные одиноким детством. Подобно многим англичанам, он скрывал свою робость за огневым валом шуток. Еще одной частью отцовского наследства была уверенность в своей физической непривлекательности; когда-то Клод убедил сына, что тот “страшила”, и мальчик так и рос с этой мыслью. Конечно, Эллиотт не отличался красотой в классическом понимании — нескладная фигура, худое лицо и очки в толстой оправе, — но его самообладание, плутоватый вид и неизменная бодрость духа постоянно привлекали женщин. Впрочем, Николасу потребовалось много лет, чтобы понять: он “выглядит не более и не менее странно, чем значительная часть подобных [ему] существ”. Наряду с природным консерватизмом он унаследовал семейную склонность к эксцентричности. Он не отличался снобизмом. Мог завести разговор с любым человеком независимо от того, чем тот занимался. Не верил ни в бога, ни в Маркса, ни в капитализм, а верил в короля, страну, класс и клуб (в его случае это был “Уайтс”, клуб для джентльменов в Сент-Джеймсе). Но превыше всего для него была вера в друзей.